

Все богачи города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на площадь перед СКК имени Ленина. Иметь с собой документы, сберегательные книжки и одну смену белья. Наличные деньги, драгоценности и валюту оставить дома в отдельном пакете с надлежащей описью. Богачи, не подчинившиеся данному распоряжению, будут репрессированы. Лица, самовольно проникшие в оставленные богачами квартиры, будут репрессированы на месте...

Потом появляется сосед, получивший повестку: «Все жида города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на стадион «Локомотив...» Молодой человек, дважды разведенный, получает повестку, начинающуюся словами: «Распутники города Питера...», приятель-народный депутат, которому звонят, ища заступничества, тоже получил повестку, обращенную к «Политиканам города Питера...» И все они готовы идти.

Пьесе предпослан эпиграф из Акутагавы: «Назвать деспота деспотом всегда было опасно. А в наши дни настолько же опасно назвать рабов рабами»).

- Елки-палки, как вы странно понимаете публицистику. Вы «Жида» считаете публицистикой?

- Не знаю, какая еще публицистичнее бывает публицистика.

Ну, это, наверное, вопрос терминологический... Вы понимаете, когда мы писали «Жида», нам казалось, что мы пишем о чрезвычайно вечном. О том, что люди из века в век будут рождаться с аппендиксом.

- Две недели назад, вот на этом самом месте сидя, я восклицал: «Катастрофа! Катастрофа!», а вы мне говорили, что никакой катастрофы нет и не предвидится. А я, когда читал эту пьесу, думал, — что люди живут в ужасе.

— Вы совершенно неправильно эту вещь поняли. Люди живут не в ужасе, который их окружает. Люди живут с ужасом, который в них гнездится. И поэтому, стоит щелкнуть пальцами, и они уже затряслись.

- Ну, разумеется, так. Но, Борис Натанович, и то, и другое существует в тексте. Одно дело, что люди к этому предрасположены, а другое дело — жизнь в состоянии, когда ждешь щелчка. Ведь вы готовы к этому? К тому, что кто-то щелкнет.

- Конечно. Речь идет о готовности затрястись. О том, что черт знает сколько времени будет существовать поколение людей, готовых затрястись.

- Именно. Да щелкайте вы сколько угодно во Франции, в Швеции или в Великобритании — и никакой реакции у людей не возникнет.

- Просто там другая порода людей живет — там их давно не били.

- Правильно. И это другая тема. Одна тема, что люди готовы услышать — так уже они воспитаны — и живут в постоянном ожидании щелчка. Другая тема, что это не фантазия, не бред — щелчки-то раздаются более или менее регулярно.

- Раздаются. И сразу все вздрагивают, а некоторые пишут доносы.

- Тут Андрей Битов недавно сказал, когда у него спросили о нынешней эмиграции, что это не эмиграция, а эвакуация.

- Очень точно.

- То есть — обстоятельства заставляют эвакуироваться. Что-то постоянно пощелкивает, настраивая вас на внимание — жди настоящего щелчка. Надо ведь ухо свое настроить. Но если настороженно вслушиваться — услышать, услышать, не пропустить этот щелчок! — то уже и реальность перестаешь адекватно воспринимать, вся картина будет искажена. А это и есть катастрофа.

- Вы говорите правильно, но я не понимаю, при чем здесь катастрофа. Вот если бы приказ, который в «Жидах» был отдан, не был бы отменен — вот это была бы катастрофа. Вот что я называю катастрофой.

- Вы готовы к тому, что она произойдет.

- Я готов к тому, что катастрофа может произойти в любой момент, но это не означает, что катастрофа имеет место. Это привычное нормальное состояние моего поколения. И мне очень смешно бывало, когда после январских событий обязательно каждый интервьюер спрашивал: «Как вы относитесь к возможности военного переворота? Готовы ли вы?» Я отвечал: «Голубчики мои. Я военного переворота жду с 1985 года, а вы меня спрашиваете — готов ли я. Я потрясен, что он еще не произошел». Но это не катастрофа, Миша.

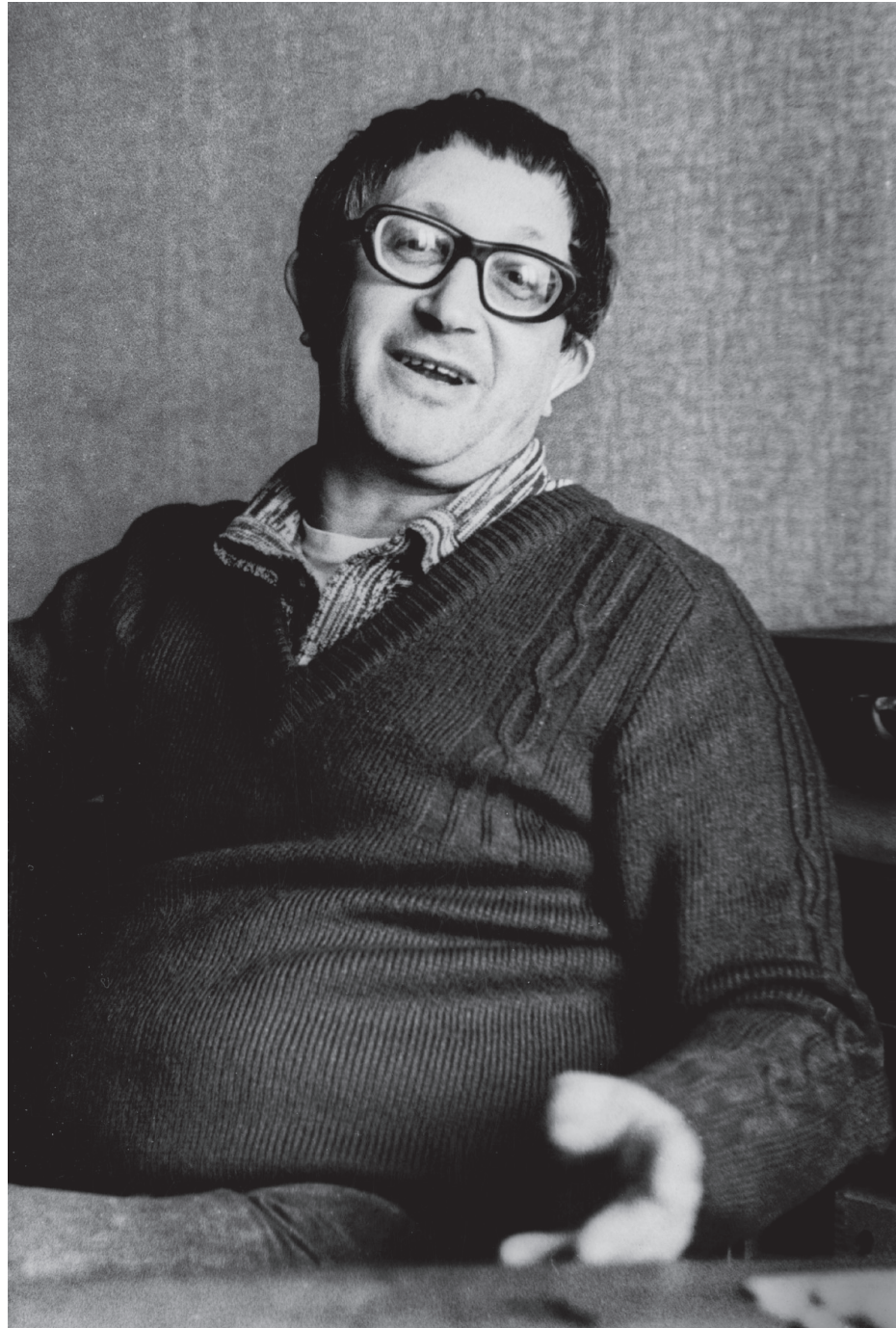
- Ну, хорошо. Ну, уберем это слово, черт с ним. Но из всего сейчас сказанного и явствует, что «Жида» именно публицистика (и слово публицисти-

- Еще раз возвращаясь к этому: а «Жида» захотелось, — значит, связка была.

- С «Жидами» не так все просто, Миша, как вы думаете.

- Что значит — я думаю? Вы писали «Жида», когда, как говорила Ахматова, меня тут не стояло. Вы мне расскажите — я узнаю.

- Дело не в связке с реальностью. Дело в том, что мы всю свою жизнь мечтали написать пьесу. Возникла ситуация, которую мы вяло на протяжении нескольких месяцев разрабатывали, и эта вялость продолжалась до тех пор, пока кого-то из нас не осенила мысль, что из этого можно сделать прекрасную пьесу в манере классицизма —

Борис Стругацкий. Фото © Михаил Лемхин, 1970 г.

ка никак не задевает иного содержания пьесы, буде оно там есть, вечных проблем). Да разве можно ожидать другого, если вы не желаете читать беллетристику, не желаете писать беллетристику...

- Я употребляю, как мне кажется, более точный, хотя и более примитивный термин — мне не интересно. Мне не интересно писать про увлекательнейшие, и я бы сказал даже, с социальной точки зрения любопытные приключения Максима**** в Островной Империи. Мы там очень интересную социальную схему придумали. Мы любопытное государственное устройство там придумали. Тысячи фэнов в восторг, может быть, придут, если узнают, что такое Островная Империя. Но мне не интересно.

- Предводитель ваших фэнов Юра Флейшман меня тут на днях чуть не пришиб. «Есть такой роман? — спрашивает. — Скажите, Миша, честно, ведь есть, но они его прячут?»

- А мне не интересно это писать... Аркадий Натанович сохранил какой-то интерес. Ему любопытно переносить свои выдумки на бумагу. Он что-то там пишет под псевдонимом, какие-то тексты беллетристические... А мне — нет... не интересно. Есть несколько сюжетов, которые я продолжаю как-то разрабатывать, но мне совершенно не хочется их писать.

единство времени, места, действия. И все, что мы хотим сказать, можно сказать, и не надо никаких описаний, внутренних переживаний. Все, что происходит, то и происходит. Слышишь звон бубенчика — пишешь: «Звенит бубенчик». Понимаете, если бы у нас не было этой старой мечты написать пьесу, я думаю, «Жида» бы не были написаны. Не стали бы мы писать повесть.

- Борис Натанович, то, что вы говорите — это информация, но не объяснение. Кроме внешнего толчка, непосредственно побудившего автора взяться за перо, спровоцировавшего автора, есть еще и иные, более глубокие причины, породившие этот текст. Между тем и другим может проследиться внешняя связь, а может на первом уровне и не проследиваться.

- Наверное, Миша, наверное. Наверное, вы правы...

- Ну ладно, не будем сейчас вдаваться в психологию творчества. Вот у меня в блокноте еще один вопрос — последний. Как вы представляете себе будущее? Не будущее страны — что тоже любопытно, а ваше будущее. Есть что-нибудь такое, что вам хочется написать?

- Года два назад я как-то сел и произвел несложный подсчет. Я обнаружил, что наша творческая эффективность па-

дает вдвое каждые десять лет. То есть, в 70-х годах мы написали вдвое меньше, чем в 60-х, в 80-х мы написали вдвое меньше, чем в 70-х, и в 90-х годах, опираясь на эти расчеты, мы должны написать одну-две вещи. Одну мы написали. Я думаю, что мы напишем еще, по крайней мере, одну. Не знаю, что это будет за вещь.

- Нет ничего такого, что будоражит?

- Есть, есть... Я повторяю, даже Островная Империя, в известном смысле, будоражит, и я не исключаю, что будет Островная Империя написана. Есть несколько сюжетов, которые вызывают интерес и которые, скажем так, могут быть написаны. И я думаю, что мы еще, по крайней мере, одну вещь — ну, если будем, тьфу-тьфу-тьфу, живы-здоровы, — одну вещь напишем. Дальше этого — моей фантазии не хватает.

- Было бы странно, скажу честно, увидеть сейчас роман об Островной Империи. Я как ваш читатель — не могу сказать, как тут говорят «фэн», слово не для моего уха — с интересом прочту... Но как человеку, любопытствующему, как и почему происходит литература, мне было бы странно. Уже многие годы у вас тенденция была — собственно фантастику сводить на нет. В любимом мною «Миллиарде лет...» соотношение фантастического и повседневного быта, по-моему, идеальное. А «Хромая судьба» в этом смысле оказалась уже вообще без всякой фантастики. Это я не как о плюсе или минусе говорю — я не читатель фантастики, вы знаете, я просто читатель литературы. Что связывает «Хромую судьбу» с фантастикой — имя авторов?

- Ну, как сказать. Там есть масса загадочных происшествий...

- Которые замечательно объяснимы...

- Они там никак не объяснены.

- Я не говорю — объяснены, я говорю — объяснимы без всякой фантастики. Мало ли литературы, где есть игра, бредятинка, но совсем не обязательно это именовать фантастикой.

- Это наш старый спор. Для меня фантастика всегда была понятием скорее формальным. Если происходит что-то такое, чего в реальной действительности не бывает — все, значит это фантастика. Больше мне ничего не надо.

- Хорошо, это, как вы говорите, терминологический спор.

- Так, о будущем Стругацких я ответил, о будущем писателей Стругацких.

- А если не разделять?

- Какое будущее у людей, которым одному — под шестьдесят, а второму — основательно за шестьдесят? Какое у нас может быть будущее, сами подумайте, Миша? Я доживаю последние годы своей подвижности, когда я могу еще себе позволить летом прошвырнуться на автомобиле по градам и весям. Аркадий Натанович уже давным-давно прикован к дому, практически никуда не выезжает и не выходит. Какое будущее? Ну, напишем еще что-нибудь, наверное. Сейчас стало очень трудно встречаться — у Аркадия Натановича изменились обстоятельства, и у него работать сейчас нельзя, а выезжать сюда ему очень тяжело. Поэтому я и мечтаю модем завести, и тогда можно было бы ежедневно перебрасываться какими-то текстами. Какое там будущее — все уже идет под уклон... Извините, если огорчил. Но еще одну вещь мы, я думаю, напишем...

**** Пьеса «Жида города Питера, или Невеселые беседы при свечах» написана в начале 1990 года. Опубликовано в журнале «Нева» № 9 за 1990 год.

***** Максим Каммерер — герой романа «Обитаемый остров». Позже стал центральным персонажем повестей «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер».

Кстати, в рукописи «Обитаемого острова» и при первой публикации романа в журнале «Нева» (№ 3-5, 1969) его звали Максим Ростиславский, но когда «Обитаемый остров» готовился к первому книжному изданию, цензура среди прочего потребовала переименовать героя на иностранный манер. И Максим Ростиславский стал Максимом Каммерером.

Фотоportреты Бориса Стругацкого работы Михаила Лемхина